

Научная статья

УДК 94(47)“1879/1885”

DOI: 10.32516/2303-9922.2024.51.10

Афганистан в центре Большой игры. 1879—1885. Акт четвертый: Ахалтекинские экспедиции

Дмитрий Валентинович Васильев

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, dvvasiliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Аннотация. Англо-афганской войной, стороной конфликта в которой могла стать, но не стала Российская империя, закончилась потенциально горячая фаза Большой игры. Можно предположить, что, добившись смягчения британской позиции на Берлинском конгрессе, российское правительство принципиально отказалось от давления на Англию со стороны Туркестанского генерал-губернаторства. С этого времени российский генералитет в Центральной Азии сосредоточил внимание на Закаспийском районе, где сохранялась проблема умиротворения туркмен, которую планировалось решить включением их земель в состав Российской империи. Петербург ставил задачу утверждения прочной границы с Персией и Афганистаном, а кавказские генералы реализовывали ее путем присоединения к империи новых территорий, которые имели стратегическое значение. Ключевой точкой в этом отношении был Ахалтекинский оазис. Его завоевание открывало путь в плодородные оазисы по направлению к афганскому Герату. Ради удержания за собой Ахал-Теке российские власти учредили здесь новую администрацию, аналогичную подобным в других частях Центральной Азии.

Ключевые слова: Закаспийский военный отдел, туркмены, Ахал-Теке, Геок-Тепе, оазис, Персия, Афганистан, Великобритания, Большая игра, административная политика.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, реализуемого в Российской академии предпринимательства.

Для цитирования: Васильев Д. В. Афганистан в центре Большой игры. 1879—1885. Акт четвертый: Ахалтекинские экспедиции // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 3 (51). С. 154—169. URL: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/51/10_51_2024.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.51.10.

Original article

Afghanistan at the Center of the Great Game. 1879—1885. Act Four: Akhal-Teke Expeditions

Dmitry V. Vasilyev

Moscow City University, Moscow, Russia, dvvasiliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Abstract. The Anglo-Afghan War, in which the Russian Empire could have become a party to the conflict, but did not, ended the potentially hot phase of the Great Game. It can be assumed that the Russian government softened the British position at the Berlin Congress. After this, it fundamentally abandoned pressure on England from the Turkestan Governorate General. Russian generals in Central Asia focused their attention on the Trans-Caspian region, where the problem of pacifying the Turkmen was preserved. It was planned to include their lands into the Russian Empire. Petersburg set the task of establishing a strong border with Persia and Afghanistan. Caucasian generals implemented it through the annexation of new territories that were of strategic importance to the Empire. The key point in this regard was the Akhal-Teke oasis. Its conquest opened the way to fertile oases towards Afghan Herat. In order to keep Akhal-Teke under their rule, the Russian authorities established a new administration here, similar to those in other parts of Central Asia.

© Васильев Д. В., 2024

Keywords: Transcaspian Military Sector, Turkmen, Akhal-Teke, Geok-Tepe, oasis, Persia, Afghanistan, Great Britain, Great Game, administration policy.

Acknowledgements. The research is supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship.

For citation: Vasilyev D. V. Afghanistan at the Center of the Great Game. 1879—1885. Act Four: Akhal-Teke Expeditions. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2024, no. 3 (51), pp. 154—169. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.51.10>.

Введение

Апогеем российско-британского соперничества в Центральной Азии стали, вероятно, 1870-е годы, когда дипломаты обеих держав разбирали последствия завершившейся русско-турецкой войны. Все военные события того времени («Индийский поход» [2], англо-афганская война) имели целью создать взаимное давление двух империй и не подразумевали вступления в открытый конфликт [4]. И хотя программа-минимум обоих государств была выполнена, заметная напряженность между ними сохранялась. Было очевидно, что Российская империя, имевшая между своими владениями (Закаспийский военный отдел и Туркестанское генерал-губернаторство) огромное пространство, занятое неоднородным туркменским населением с неустойчивым самоопределением в части поиска партнера-покровителя (Россия, Персия, Великобритания, Афганистан), не остановится на достигнутом и, в поиске наиболее удобной границы, которая позволила бы стабилизировать отношения с Персией и сделать уязвимой позицию Великобритании, пойдет на выравнивание своих владений. Англичане же, не довольствуясь укреплением своего влияния в Афганистане при Абд-ар-Рахман-хане, стремились обезопасить его обращением на свою сторону туркмен, владения которых можно было использовать для того, чтобы держать в постоянном напряжении российскую сторону.

Новый период двухсторонних отношений не предполагал активного противодействия. В это время у власти в Лондоне стоял кабинет Уильяма Юарта Гладстона, настроенный менее агрессивно. А Россия выдвигала вполне объяснимые и допустимые для того времени требования противодействия беспорядкам (аламанству [1]) туркмен и установлению прочной границы с Персией.

Итак, новый театр Большой игры к 1880-м годам смещается западнее — к Каспийскому морю. Появляется новый важный актер — Персия со своими интересами. Главные действующие лица сохраняют свой антагонизм, а Афганистан, несмотря на британское влияние, пытается играть самостоятельную роль.

Современная отечественная литература называет «британскую экспансию» в Афганистан и стремление вывести туркмен из сферы влияния Великобритании основными мотивами российского продвижения в глубь Туркменской степи [10, с. 61]. В качестве другого мотива обращают внимание на нападения туркмен на русские населенные пункты, пленение наших соотечественников и невольничью торговлю [11, с. 67].

На разнонаправленность ориентации туркмен обратил внимание А. Ш. Кадырбаев [6]. Разнонаправленность деятельности кавказской и туркестанской региональных администраций в отношении туркмен отметил Р. Ю. Почекаев [12].

Среди множества современных исследований разного уровня, посвященных Большой игре, особое место занимает фундаментальный труд Е. Ю. Сергеева [18]. В написанной на основе огромного массива российских и британских источников работе автор обращает внимание на сложность британо-афганских отношений, различие взглядов Лондона и Калькутты на российскую активность в Закаспии. К сожалению, интересующей нас теме в этой монографии отведено не так уж много места.

Различные аспекты истории Закаспийского региона привлекают внимание зарубежных исследователей. В этой связи можно упомянуть ставшую классической работу Р. Пирса, которая, вполне естественно, уже устарела в плане оценок, но представляет собой историографическую ценность [24]. Среди относительно недавних трудов есть те, которые рассматривают предысторию российского присутствия в туркменских землях [25].

Нельзя не отметить работу в этом направлении крупного британского историка Александра Моррисона, изучавшего вопросы российского присутствия в Центральной Азии. Его взгляд на Большую игру как на дискурсивный миф [21, р. 10—13] представляется автору настоящей статьи чрезвычайно близким к реальности, во всяком случае, когда речь идет о Закаспийском крае. А его интерпретация событий вокруг Ахалтекинских экспедиций [21, р. 420—462] заслуживает высокой оценки в части стремления к объективному восприятию исторической реальности.

Но к каким бы исследованиям мы ни обратились, все они рассматривают столкновение интересов различных держав в центральноазиатском регионе, в том числе Большую игру, исключительно во внешнеполитическом контексте. При этом для Российской империи все ее внешнеполитические тексты в этом макрорегионе (во всех вербальных и невербальных смыслах) имели один (с вариантами) подтекст — распространение не только своего влияния, но и, в первую очередь, своей государственности. Иными словами, политика внешняя здесь шла лишь на шаг впереди политики внутренней. Точнее, внутривнутриполитические шаги закрепляли успехи внешнеполитические, территориальные, цивилизационные. И этот уникальный прием служил залогом прочности государства по всему периметру его границ. В таком случае и Большую игру следует рассматривать в связи с мероприятиями российского правительства по закреплению за собой новых территорий. В этом контексте и стоит воспринимать данную статью.

Источниками настоящего исследования являются документы Российского государственного военно-исторического архива, Национального исторического архива Грузии и Центрального государственного архива Туркменистана, опубликованные в сборнике «Присоединение Туркмении к России» [14]¹. Привлечение этого уникального издания мотивировано еще и данью уважения к труду публикаторов, создавших замечательную антологию источников, характеризующих разные стороны сложного процесса интеграции туркмен в состав Российской империи. Однако и оно оставило в стороне некоторые материалы, освещающие внутривнутриполитическую деятельность России в Туркменской степи. Этот пробел восполнен документами, выявленными автором в Российском государственном историческом архиве, Российском государственном военно-историческом архиве и Национальном историческом архиве Грузии. Практически не привлекаемый историками текст «Временного положения об управлении Закаспийской областью и войсками, в оной расположенными» 1882 г. приводится из «Сборника приказов по военному ведомству» [19, с. 212—216].

В связи с тем, что в центре внимания настоящей статьи лежит именно позиция Российской империи, осваивавшей туркменские земли и потому вступившей в определенный антагонизм с интересами Великобритании, ее источниками не стали работы британских агентов, активно работавших в этой части Центральной Азии. Материалами названных иностранных агентов в режиме реального времени российская сторона не располагала, а потому они не могли оказать никакого влияния ни на формирование, ни на реализацию политики России в землях туркмен. Искусственное же расширение круга источников привело бы к нарушению важнейшего для научной работы принципа историзма. К тому

¹ Названия цитируемых документов адаптированы.

же нет смысла повторять вполне справедливые заключения по поводу деятельности полковников Бейкера и Макгрегора, майора Нэпира и капитана Батлера, сделанные в труде Е. Ю. Сергеева [18].

Деятельность английского журналиста О’Донована [22; 23], шпионившего в Мерве, представляет в этом контексте интерес скорее как факт, ибо содержательная часть касается формирования и развития именно британского дискурса Большой игры. Восприятие британцами действительности того времени можно представить по произведениям еще одного журналиста — Ч. Марвина [20].

Методологической основой статьи является подход «новой истории империи» (новой имперской истории), позволяющий рассматривать Россию того времени как комплексную историческую ситуацию (единство ее внешнеполитического и внутривнутриполитического курсов), как исторический феномен — в единстве ее порой противоречивых и взаимосвязанных черт. В части анализа внешнеполитической ситуации применяется метод анализа исторических источников и обобщения (синтеза) полученной информации. Что касается вопросов гражданской организации присоединенного пространства, то здесь с опорой на законодательные акты использован формально-юридический и историко-правовой методы. Совокупность указанного подхода и методов позволяет с высокой степенью историзма описать и оценить рассматриваемые события.

Результаты исследования

Известно, что еще со времен знаменитого похода князя А. Бековича-Черкасского восточный берег Каспийского моря привлекал Россию своим транзитным потенциалом. И, рассуждая о целях российских военных в этом крае, нельзя сбрасывать со счетов физическую угрозу торговле империи со стороны туркмен. Она была не только предлогом для покорения туркмен, но и реальной российской повседневностью.

В ноябре 1878 г. начальник Закаспийского военного отдела генерал Н. П. Ломакин доложил в Тифлис, что туркмены напали на караван верблюдов в сопровождении 14-й роты 84-го Ширванского пехотного полка, вышедший из Чатского укрепления вниз по Атреку с целью заготовки фуража и топлива. При этом 30 верблюдов из 220 достались нападавшим [14, с. 355—356]. Через несколько дней он уведомил начальство о готовности текинцев предпринять масштабный набег на занятую войсками отдела территорию, что и произошло накануне нового года.

24 декабря до трех тысяч текинцев совершили нападение на Чекишлярский приморский пост и прилегавшие к нему аулы Чекишляр и Гасан-Кули. Так как среди туркмен были не только противники, но и сторонники российской администрации, генералу Ломакину удалось узнать о планируемом набеге и подготовиться к нему. На российской стороне сопротивление нападавшим оказали не только жители аулов и войска гарнизона поста, но и высланные от Астрабадской морской станции канонерские лодки «Тюлень» и «Секира», а также шхуна «Персиянин». Набег текинцев не стал таким масштабным, как ожидалось, так как к ним присоединились не все атабаи. Тем не менее их участие в нападении подвигло джафарбаев не только не преследовать нападавших, но и удалиться за реку Атрек [14, с. 356—359].

Вполне очевидно, что Н. П. Ломакин, желая устранить все препятствия для своей администрации на восточном берегу Каспийского моря, выступал за экспедицию в Ахал с целью усмирения текинцев. Несмотря на то что главными целями закаспийских войск вполне однозначно объявлялись спокойствие степи и безопасность красноводско-хивинского пути, он повторял, что «пока не будут приняты решительные меры против текинцев, никаких правительственных целей в этом крае мы достигнуть не можем». Перечислял нападения на российские военные силы и намекал на необходимость усиления

войск, находившихся, по его мнению, фактически в осадном положении. Причем особо подчеркивал «подстрекательство английских агентов» как один из важнейших факторов агрессивности туркмен. Ссылаясь на то, что при нападении на Чекишлярский пост среди текинцев были замечены двое англичан, якобы руководивших ими [14, с. 360].

Н. П. Ломакин отвергал относительно миролюбивый настрой Петербурга и Тифлиса по отношению к туркменам: «Все меры кротости и убеждения, первоначально предложенные... для сношения с ними, все средства для постепенного сближения с ними и приручения к нам этих дикарей, все экстраординарные суммы за последние четыре года, перешедшие к ним, все это было напрасно; с каждым днем дерзость их растет больше и больше» [14, с. 361].

Отсюда, по мнению генерала, вытекало единственно возможное — «истребить вконец разбойничье гнездо» [14, с. 361]. И доказывая это, он был готов на самую жесткую аргументацию: «Все кругом... истреблено, выжжено, разорено, один только непрерывный ряд могильных холмов остается в местах, некогда цветущих, достигаемых для их набегов, целые огромные села выжжены и обращены в могилы. Вся Средняя Азия, Хорасан, Афганистан, Бухара, Хива смотрят на нас и ждут, когда мы покончим с этими дерзкими разбойниками» [14, с. 361].

Начальник Закаспийского военного отдела убеждал свое непосредственное начальство в необходимости «раз навсегда покончить со здешними текинцами». В противном случае порядок, спокойствие в туркменской степи невозможно установить; нельзя приступить к ее благоустройству, нет шанса обеспечить стабильность караванного сообщения с Хивой и активизировать торговлю, вдохнуть жизнь в древние города и реализовать другие интересы края. А потому ходатайствовал о немедленном принятии решительных мер против ахалтекинцев [14, с. 361]. Однако император повелел предпринять экспедицию против туркмен теке уже летом того же 1879 г. [14, с. 362].

Трудно отказаться от своеобразного восприятия персоны Ломакина. И дело не только в том, что он весьма двусмысленно повел себя во время Хивинского похода по отношению к начальнику Красноводского отряда В. И. Маркозову [9, л. 1—238 об.], фактически отказав последнему в поддержке. Складывается впечатление, что покорение текинцев превратилось в его навязчивую идею. Он не видел геополитических возможностей России в Закаспийском субрегионе или готов был забыть о них ради синицы в руках. Мы имеем в виду его пренебрежительную оценку Мервского оазиса, вопрос о возможности занятия которого оставался актуальным для центральных властей. Генерал Ломакин неоднократно докладывал, «что в интересах собственно здешнего края Мерв не представляет никакого особого значения... нам собственно до Мерва нет никакого дела» [14, с. 361].

Исходя из внешнеполитических событий, разыгравшихся в 1878—1879 гг. в Туркестане, можно предположить, что решение императора было мотивировано российско-британской напряженностью, обусловившей необходимость консолидации центральноазиатских земель под российским контролем.

Ни для кого из заинтересованных лиц не было секретом, что происходившее в Центральной Азии совсем недавно было непосредственно связано с европейскими делами. Об этом, например, открыто свидетельствовала записка, поданная в Военное министерство 22 января 1880 г.: «Политические события, преследовавшие¹ по заключении Сан-Стефанского договора, заставили нас обратить особое внимание на Среднюю Азию и приготовить там в будущем такой базис, который давал бы возможность оказывать на Афганистан и Индию давление достаточно сильное, чтобы хотя отчасти парализовать действия Англии в Европе. Вследствие этого в 1878 г. высочайше повелено было на-

¹ Так в тексте.

править со стороны Туркестана и от Закаспийского края к Афганистану три отряда, которые были сформированы и уже выступили по назначению, но мирный исход Берлинского конгресса побудил их возвратить. Тем не менее движение отрядов к Афганистану и дипломатические сношения, завязанные нами с афганским эмиром, повели к разрыву между Афганистаном и Англией. Нечего говорить здесь о последующих всем известных событиях, главнейшие из которых заключаются в занятии в конце 1878 г. англичанами Кабула и Кандагара» [14, с. 465—466]¹.

Итак, зримо ощущая подступ Британии, Российская империя не могла себе позволить остановиться в Центральной Азии на достигнутом (завоеванном). К этому призывали и российские стратеги. Обследовавший российско-персидскую границу полковник Н. Г. Петрусеви́ч в 1879 г. следующим образом обосновал необходимость военной активизации России в Центральной Азии: «До 1877 г. дела наши в Средней Азии шли своим порядком, отдельно от западноевропейской политики. Были мнения, что в будущем нам придется отсюда, может быть, двинуться в Афганистан и на границы английских владений в Индии; но возможность такого движения была как сомнительна, так отдаленна, что надеялись покончить потихоньку с среднеазиатскими делами. Между тем в настоящем году едва не дошло до войны с Англией. Территориальная обособленность Англии в Европе и распространение ее владений в Индии и до Пешавара указывали, что нам для произведения давления на Англию остается только действовать в Средней Азии. В апреле совершенно неожиданно мы должны были сформировать три более или менее сильных отряда и двинуть их к Афганистану совершенно наугад, так как мы не знали ни местности, по которой придется двигаться отрядам, ни народов, которые ее населяют» [14, с. 364].

Признавая российское военное присутствие на Мангышлаке и в Красноводске недостаточным для утверждения прочной безопасности в Туркменской степи, Н. Г. Петрусеви́ч утверждал, что альтернативой занятия текинских земель является лишь полное очищение от российских войск Восточного Прикаспия. Опуская традиционные соображения на то, что такой поворот событий ударил бы по имиджу империи лишь немногим меньше, чем невозможность контролировать беспокойных текинцев, заметим, что, по его мнению, даже это очищение было бы временным — объективная необходимость вновь, рано или поздно, толкнула бы к занятию прежде оставленных позиций. Постепенность в продвижении от морского берега на восток потребовала бы больших финансовых затрат и не оградила бы от жесткого сопротивления текинцев.

Необходимо заметить, что Н. Г. Петрусеви́ч главным мотивом занятия Ахал-Теке называл англо-российское соперничество. «В случае столкновения с Англией и необходимости движения к английской Индии мы должны будем идти через Ахалтекинский оазис, и текинцы никогда нас не пропустят без боя; следовательно, сначала придется заняться ими, а потом уже двинуться далее. Это потребует значительного усиления корпуса войск, назначенного действовать в Афганистане [речь идет о действиях не против Афганистана, а о давлении на Англию через Афганистан. — *Д. В.*], так как часть его должна быть оставлена для покорения Ахала и поддержания сообщения. Нам невозможно оставаться без приготовлений для себя удобного пути к Афганистану, и, если не касаться персидской территории, то наиудобнейший путь один, через Ахал, а не заняв Ахала, у нас не будет дороги. Занятие Ахалтекинского оазиса прибавляет к нашим владениям не бесплодные только степи, которые, по существу, и без того уже наши, но значительные пространства удобных к заселению и земледелию земель между Ахалтекинским оазисом и северными окраинами Персии, не говоря уже о самом оазисе. Поэтому нам необходимо занять

¹ Перипетии этих событий были рассмотрены нами ранее [2—4].

Ахал-Теке, и чем скорее это занятие совершится, тем лучше, потому что избавит нас от значительных затрат на ежегодные не приносящие пользы военные рекогносцировки степи и от многих жертв вследствие болезней, развивающихся от трудностей степных походов, помимо тех потерь, которые неминуемо произойдут при столкновениях с текинцами» [14, с. 371].

При этом полковник Петрусеви́ч видел английскую угрозу не только из Индии через Афганистан, но и через Северную Персию в Туркменскую степь. А потому настаивал на необходимости самого внимательного исследования этого района соседнего государства с целью противостояния британскому влиянию как на тегеранское правительство, так и на туркменских лидеров [14, с. 372—373].

Британская агентура в Тегеране использовала нерешительность российских военных в Туркменской степи и сдерживание численного роста самого военного присутствия для убеждения своих визави в слабости русской власти. Великий князь Михаил Николаевич ссылался на этот сюжет для убеждения верховной власти в необходимости покорения теке: «В интересах русского влияния нельзя допускать подобным убеждениям укореняться в Персии, и потому для восстановления нашего престижа необходимо строго наказать текинцев и предупредить возобновление их дерзких покушений». Известно, что еще несколько лет назад фельдмаршал считал достаточным ограничиться, при необходимости, военными вылазками из Красноводской фактории. Но ситуация изменилась: «Опыт последних лет доказал, что этих результатов нельзя достигнуть без полного подчинения текинцев и занятия обитаемой ими страны» [14, с. 377].

Доказательства антироссийской активности англичан не заставили себя ждать. Будто подтверждением предположений военных о британской подоплеке движения на Ахал стал рапорт начальника Амударьинского отдела о подстрекательстве мервских текинцев к вооруженной борьбе с русскими [14, с. 382]. И эта подрывная деятельность реализовывалась на фоне официально зафиксированного желания мервских текинцев войти под покровительство России практически сразу после того, как им стало очевидным стремление империи распространить свое влияние в Туркменской степи [14, с. 380].

Это желание текинцев Мервского оазиса вполне совпадало с намерениями российского правительства, которое в отличие от генерала Ломакина видело целью решения туркменского вопроса именно Мерв, овладение которым означало бы стабилизацию российской границы с Персией, Афганистаном и Бухарой. Ахалтекинский оазис и Геок-Тепе должны были стать своего рода мостом к этому [14, с. 386, 388] и целью будущей экспедиции.

Тем не менее мы полагаем, что в правительстве все-таки не было единства по мервскому вопросу. В то время как военный министр Д. А. Милютин убеждал в возможности немедленного занятия Мерва [14, с. 391], начальник Главного штаба граф Ф. Л. Гейден во всеподданнейшем докладе весьма примечательно высказался о Мерве: «Занятие Мерва, хотя бы и признавалось предприятием удобоисполнимым, особенно после разгрома текинцев, было бы однако ж для нас не выгодно в политическом и особенно в экономическом отношении. Поэтому движение из Ахалтекинского оазиса далее к Мерву должно быть строго воспрещено, даже необходимо поставить в число главнейших обязанностей начальника экспедиции, чтобы всеми зависящими от него мерами старался устранить поводы ко всякому дальнейшему движению в глубь Туркменских степей» [14, с. 388]. Возможно, что начальник Главного штаба высказывал исключительно свое мнение, основанное на идеях Ломакина. Тем не менее, это мнение получило высочайшее утверждение 20 февраля 1879 г. [14, с. 390].

Хотя Ф. Л. Гейден не считал Мерв приоритетной целью похода, по поводу намерения жителей оазиса перейти в российское подданство он отметил, что «нам весьма выгодно воспользоваться представившимся благоприятным случаем завязать с мервскими туркменами сношения с целью парализовать происки англичан» [14, с. 402].

Что касается маршрута грядущей экспедиции, то генерал Гейден считал необходимым избежать движения по персидским владениям, дабы не провоцировать внешнеполитической напряженности [14, с. 388]. Возможно, Мерв в стратегических планах российских военных появился лишь в качестве одного из возможных направлений движения войск на Герат [14, с. 391], которое следовало подготовить на случай очередного осложнения с Великобританией на европейском внешнеполитическом театре.

Таким образом, получается, что главным мотивом готовившейся экспедиции была все же Англия с ее стремлением подчинить себе Афганистан и, предположительно, угрожать оттуда российским владениям.

В преддверии Ахалтекинской экспедиции помощник кавказского наместника князь Д. И. Святополк-Мирский выразил главнокомандующему Кавказской армией великому князю Михаилу свое мнение о британском влиянии в регионе. Он был убежден в том, что рано или поздно интересы России и Великобритании неминуемо столкнутся на Среднем Востоке, а потому полагал, что обоим государствам необходимо отойти от ограничительного геополитического планирования: «Нужно стараться достигнуть соглашения не о том, чего англичане не займут и чего мы не займем в Средней Азии, а о том, что они займут и что мы займем, и где должна быть граница между ними и нами в этой части света. Таким только путем разумной предусмотрительности может быть подготовлена и обеспечена миролюбивая встреча Англии и России в Средней Азии, — вместо угрожающего столкновения, страшного для обеих этих держав и противного интересам цивилизации и всего человечества» [14, с. 391].

Важно подчеркнуть, что Д. И. Святополк-Мирский в ближайшей перспективе видел отнюдь не мирное сотрудничество двух мировых империй, напротив, залогом мира между Россией и Британией должен был стать принцип военно-политического паритета, не допускающий избыточного доминирования одной из сторон: «...я вполне разделяю мнение графа Шувалова о том, что на действия англичан в Афганистане нам нужно отвечать не переговорами, а действиями такого же рода и что действия эти должны быть направлены от Атрека» [14, с. 391].

Безусловно, и отмщение текинских набегов, и необходимость упрочения российского присутствия хотя бы и отчасти, но оправдали бы завоевание Ахалтекинского оазиса. Но реальным мотивом этого шага, по мнению кавказских военных, должно было стать решение вопроса «о взаимном положении Англии и России в Средней Азии, — оно вызывается надобностью охраны наших непосредственных интересов в Закаспийском отделе, законом само[со]хранения и соблюдением достоинства России» [14, с. 392].

Генерал Святополк-Мирский высказал весьма интересную мысль, что завоевание Афганистана Великобританией было бы куда более удобно России, чем его независимость: «Держать такой край, как Афганистан, в послушании и порядке, и обеспечить свои сообщения через такую страну, а равно снабжение значительного числа войск, — это может быть не по силам даже для англичан, в особенности в случае войны с Россией, когда наши войска подступили бы к Афганистану в качестве избавителей» [14, с. 393]. Таковы геополитические настроения российского пограничного генералитета во всей их простоте! Хотя, забегая вперед, стоит заметить, что Д. И. Святополк-Мирский несколько не рассчитал. Восшествие на престол в Кабуле эмира Абд-ар-Рахман-хана, небезуспешно пытавшегося поставить страну под свой контроль, несколько облегчило участь англичан

и отвратило русских от своих освободительных планов. А пока российские стратеги называли Ахалтекинский оазис наиболее удобным пунктом, открывающим путь к Афганистану.

Уклонение части военачальников от планов завоевания Мерва выглядит намерением скрыть очевидную перспективу. Тот же Главный штаб, начальник которого отрекался от планов на Мерв, признавал, что «обеспечение красноводско-хивинских путей [даже не движение к Герату. — *Д. В.*] возможно только с занятием Ахалтекинского оазиса. Наконец, занятие этого последнего приведет в соприкосновение с мервскими туркменами, что в конце концов повлечет занятие Мерва и распространение наших границ до Афганистана» [14, с. 395]. Иными словами, Ахалтекинская экспедиция изначально рассматривалась как прелюдия к завоеванию Мервского оазиса.

В планы российских военных властей по подготовке грядущей экспедиции входило косвенное привлечение Тегерана к походу на текинцев. Не случайно весной 1879 г. императорский посланник докладывал в Петербург, что шах повторил «данные уже им уверения в своей готовности оказывать нам всякое со своей стороны содействие относительно продовольствия и перевозочных средств для нашей экспедиции в Ахалтекинскую степь» [14, с. 404].

Так или иначе, Первая Ахалтекинская экспедиция под командованием генерал-лейтенанта И. Д. Лазарева началась в августе 1879 г. После смерти Лазарева от болезни, в ожидании прибытия генерал-лейтенанта А. А. Тергукасова, его сменил пока еще начальник Закаспийского военного отдела Н. П. Ломакин, под командованием которого российские войска штурмовали Геок-Тепе, но не смогли его удержать. Если бы не многочисленные жертвы, можно было бы с иронией заметить, что Восток не прощает нечистоплотности (история с фактическим предательством отряда Маркозова в Хивинском походе 1873 г.).

Новый начальник отряда генерал Тергукасов признал продолжение экспедиции невозможным и донес в Тифлис о плачевном состоянии отряда [14, с. 456—457]. Этот поход не снял напряженности — текинцы продолжали нападать на соседей, а мервцы — укрепляться в ожидании русских [14, с. 462]. Можно сказать, что неудача русских даже воодушевила текинцев.

Однако поражение не охладило намерения русских овладеть туркменскими оазисами, что в умах местных военных прочно связывалось с противостоянием Великобритании. «Прочное занятие нами Ахал-Теке и Мерва будет иметь почти первенствующее значение в борьбе нашей с Англией, неизбежность которой, по сложившимся политическим стремлениям этого государства, определяется только временем. Пункты эти дают нам возможность непосредственно войти внутрь владений Англии и ударить в самое чувствительное ее место. Если нам удастся с достаточными боевыми силами хоть коснуться индийских границ Англии, то 200-миллионное туземное население этой страны неминуемо проявит стремление к независимости¹ и совместная с нами борьба этого населения против Англии более чем вероятна. В борьбе этой оазисы Мерва и Ахал-Теке должны служить нам базой продвижения в Индию...» [14, с. 463—464].

Накануне новой экспедиции военному министру поступила записка из администрации кавказского наместника, которая вновь подчеркивала значение британского фактора в российской политике в Центральной Азии. «Утверждение англичан в Афганистане без соответствующего движения вперед с нашей стороны грозило подрывом значения наше-

¹ Например, в 1879 г. глава государства сикхов писал туркестанскому генерал-губернатору: «Пророчество Гуру Баба Нанак-саиба говорит, что вы [русские. — *Д. В.*] придете и избавите нас. 315 тыс. сикхов присоединятся к вам. Все они готовы, другие люди тоже готовы. Когда вы придете и пожелаете еще людей, то они будут снаряжены» [17, с. 243].

го в Средней Азии, поэтому и... высочайше повелено было сформировать отряд, достаточный для подчинения нашей власти Ахалтекинскому оазису, со всеми последующими мероприятиями, вызываемыми указанной целью» [14, с. 466].

Поскольку поставленные задачи не были решены, возникла потребность реванша. Тем более, что «англичане, уже не ограничиваясь Кабулом и Кандагаром, распространяют ныне свои виды на Герат и только колеблются, взять ли его теперь же или первоначально передать Персии. Нет сомнения, что последняя, по бессилию своему в Хорасане и Систане, окажется не в состоянии управлять Гератом, и тогда англичане под предлогом, что беспорядки в Герате нарушают спокойствие остальных частей Афганистана, чего они допустить не могут, завладеют Гератом. Между Гератом и туркменскими землями нет никаких поселений, и для англичан откроется широкое поле снабжения текинцев Ахала и Мерва оружием и указаниями, как действовать против нас. Утвердившись так или иначе в Герате, англичане вслед за тем займут и Афганский Туркестан, это будет неизбежным следствием занятия Герата, и тогда нам нелегко будет удержать значение наше даже в Бухаре и Хиве. Ханства эти подчиняются нам только вследствие нашей силы, англичане же будут действовать золотом... <...> Поэтому наша задача в Средней Азии стать в такое положение, чтобы сделаться независимыми со стороны англичан и поставить их в положение обороняющихся. Для этого нужно, чтобы наша граница пролегла по водоразделу Гиндукуша и Паропамизского хребта и по гребню Копетдага... <...> Поставив себе эту цель как конец наших движений в Средней Азии, мы должны идти к ней неуклонно, подвигаясь вперед при первой возможности, и первым шагом для этого должно быть занятие Ахалтекинского оазиса, так как этим мы приобретаем уже часть указанной границы по хребтам Кюрендаг и Копетдаг и тем самым преодолеваем главнейшее затруднение к достижению предложенной задачи» [14, с. 466—467].

Второй Ахалтекинской экспедицией (1880—1881 гг.) командовал герой недавней русско-турецкой войны генерал-адъютант М. Д. Скобелев. Присоединение Ахала к империи принесло России почти 28 тыс. квадратных верст новой территории и 200 тыс. новых подданных [14, с. 498]. Одной из колонн войск в этой операции командовал полковник А. Н. Куропаткин — будущий крупный государственный деятель России.

Небезынтересно, что еще накануне экспедиции кавказское начальство озаботилось перспективой организации управления на территории Ахалтекинского оазиса. Надо признать, что принципы новой администрации вполне согласовывались с общими подходами к управлению туркменами, которое «1. ...должно быть приурочено к их быту, нравам и обычаям. 2. Оно должно быть как можно проще и дешевле. 3. Расходы по управлению должны быть непременно покрываемы доходами с управляемых. 4. Как для достижения этой последней цели, так и для фактического выражения поступления туркмен в наше подданство они должны быть обложены умеренной кибиточной податью» [14, с. 411].

Вскоре после присоединения в Ахал-Теке начала работать гражданская администрация, первыми шагами которой стали назначение должностных лиц первичного управления — аксакалов в каждое поселение, выдача билетов на жительство, разбор жалоб и коммуникация с коренным населением по вопросам найма перевозочных средств и джигитов для организации сообщения между Асхабадом и Геок-Тепе [14, с. 529].

6 мая 1881 г. в Гатчине император подписал указ: «В видах упрочения спокойствия и безопасности в Закаспийской степи, признав за благо присоединить к империи занятую нашими войсками территорию туркмен текинского рода, повелеваем: образовать из нее и земель Закаспийского военного отдела область Закаспийскую с включением в состав Кавказского военного округа» [15, л. 6]. А с 1 июля 1881 г. кавказская администрация установила для туркмен, которые уже обжились среди русских, кибиточную подать — по

6 руб. с кибитки на островах Челекене и Огурчинском, а также на Атрекской линии; по 2 руб. с кибитки — с туркмен, кочующих от залива Кара-Богаз-Гол до Красноводска. По 50 коп. из этих денег следовало отчислять в земский сбор [14, с. 543].

Через месяц после императорского указа кавказское начальство утвердило Временный штат управления Закаспийской областью. Надо признать, что администрация приобрела более логичный вид. Был сформирован областной штаб в составе шести отделений, из которых только в гражданском при начальнике отделения состояло три помощника. Это и понятно, поскольку огромная и все еще плохо знакомая территория нуждалась в гражданской организации. На вновь обретенной территории был образован Ахалтекинский округ, а Красноводское и Мангышлакское приставства сохранили свой статус. В том, что округу уделялось особое внимание, вызванное необходимостью налаживать новую администрацию, убеждают запланированные расходы. Для старых приставств они были установлены одинаковыми — в размере 10 260 руб. в год, а для Ахалтекинского округа почти в два раза больше — 19 500 руб. При этом приставы в Александровском форте (Мангышлак) и Красноводске должны были получать по 4000 руб. в год (включая по 500 руб. на экстраординарные расходы и разъезды), а начальник округа в Асхабаде (Ахалтекинский округ) — 6000 руб. (в том числе 1000 руб. на разъезды и экстраординарные расходы) [7, л. 2—4].

Интересно, что штаты Закаспийского военного отдела не предусматривали отдельной должности для красноводского пристава (его обязанности возлагались на начальника всего отдела). А вот мангышлакскому приставу полагались все те же 4000 руб. с расходами на разъезды и экстренные нужды [16, л. 6 об.].

Несомненно, создание округа, своего рода чрезвычайной (вне традиционной номенклатуры) административно-территориальной единицы [5], рядом с уже ставшими привычными приставствами свидетельствует о сохранении чрезвычайного характера администрации и ее удаленности от общегосударственных принципов. На такой экстраординарный характер администрации указывают и усиленный штат Ахалтекинского округа, и повышенное материальное обеспечение его начальника в сравнении с приставскими управлениями.

Еще через год, летом 1882 г., было утверждено «Временное положение об управлении Закаспийской областью и войсками, в одной расположенными» [19, с. 212—216]. На смену округу и приставствам пришли уезды, что нельзя не рассматривать как тенденцию к укреплению общегосударственного административного начала. Одновременно были регламентированы функции областного штаба и уездных управлений. Уездные управления приняли единообразный вид [13, с. 66—69].

Сохранявшаяся внешнеполитическая интрига, настороженность Персии и недовольство Великобритании усиливали особое геополитическое положение области, что вылилось в появление принципиально новой для российского закаспийского законодательства статьи о военно-дипломатических функциях областной администрации: «Начальник области обязан иметь по возможности точные сведения о положении дел в смежных с областью азиатских странах и, сообразно с этими сведениями, принимать меры к выполнению предначертаний правительства. Начальник области обязан заботиться об ограждении неприкосновенности наших границ от вторжения неприятеля, а также разбойничьих шаек, соседних народов и вообще принимать все зависящие от него меры к сохранению спокойствия на границах» [19, с. 213]. Успешность решения поставленных задач виделась в руководстве указаниями главного начальника Кавказского округа и постоянных сношениях с туркестанским генерал-губернатором и российским посланником в Тегеране.

Что касается обязанностей уездного начальника, новый закон лишь повторил требования, которые прежде (в 1874 г.) были установлены Временным положением об Управлении Закаспийским краем [8, л. 4; 14, с. 142—151]: «...он следит за спокойствием и порядком в местном населении и состоянием умов населения; в случае нарушения порядка немедленно принимает меры к его восстановлению; наблюдает за полным исполнением низшими властями своих обязанностей; надзирает за правильным поступлением узаконенных податей и сборов и правильной их раскладкой, за счислением населения и порядком кочевания; за тем, чтобы суд и расправа у туземцев отправлялись согласно установленным для сего правилам; следит за пребыванием в аулах неблагонадежных людей и неукрывательством в аулах лиц, преследуемых законом» [19, с. 215].

Раздел о волостном и аульном управлении туркменами (и мангышлакскими казахами) отсутствовал полностью. Но это не означает пренебрежение этим вопросом. Напротив, Временное положение 1882 г. не отменяло законодательство 1874 г., содержащее соответствующие нормы, а дополняло его.

Осенью 1882 г. в Ахалтекинском уезде было введено привычное для таких районов податное обложение. Большая часть населения уезда должна была вносить кибиточную подать в размере 3,50 руб., из которых 50 коп. должны были идти на общественные нужды. Жители одного из селений, давно перешедшего под российское покровительство, должны были вносить по 6 руб., а недавно возникших селений и горные обитатели — по 3 руб. с отнесением 50 коп. из них на общественные потребности. При этом от кибиточного сбора были освобождены вдовы с малолетними детьми и круглые сироты до наступления совершеннолетия [14, с. 772].

Пока в Ахал-Теке первые шаги делала российская гражданская администрация, в Серахс, например, прибыли 32 английских оружейных мастера с намерением изготовить порох, снаряды, отремонтировать оружие и крепостные сооружения в Мерве [14, с. 531—532]. Там же в это время находился корреспондент британской газеты “Daily News” О’Донован, уличенный в подстрекательстве туркмен против русских [14, с. 537], которого очень просило освободить его газетное начальство [14, с. 541]. Хотя сам агент оставался на свободе и не помышлял оставить Мерв, в то время как до 10 тыс. кибиток планировали переселиться поближе к русским [14, с. 542].

Официальную перспективу российской политики в Туркменской степи сформулировало Министерство иностранных дел. «Наши интересы настоятельно требуют сохранения спокойствия в Мерве и поддержания там партий мира. Партия войны, поддерживаемая внешними интригами, рассчитывает получить для борьбы с нами усовершенствованное оружие. Это представляет для нас весьма серьезную опасность, а потому вся цель наших будущих сношений к Мерву должна состоять в недопущении провоза туда скорострельного оружия и в предупреждении происков тайных агентов Англии. <...> Что же касается Мерва, то кроме зоркого наблюдения за тем, что там происходит со стороны... агентов наших, мы должны ограничиться уверением их в том, что не имеем против этого края никаких замыслов и желаем сохранить с населением его самые дружественные сношения. Взамен этого требуем, чтобы они решительно отказались от секретных сношений с Англией и от военных приготовлений, которые обнаружили бы их враждебные по отношению к нам замыслы. Такой цели нашему правительству не дается¹ достигнуть мирным путем, но в случае, если надежда эта не оправдается, ответственность всецело падет на мервцев» [14, с. 547—548].

Можно заключить, что даже российский МИД не был уверен в мирном урегулировании принципиально важных для империи отношений с населением Мервского оазиса.

¹ Так в тексте, вероятно, следует читать: «наше правительство надеется».

Заключение

Ахалтекинские экспедиции 1879 и 1880—1881 гг. стали военными предприятиями, направленными в первую очередь на решение самой актуальной для Российской империи задачи выравнивания и установления прочной границы с соседней Персией. Попутно решалась не столь важная в геополитической перспективе, но чрезвычайно актуальная на тот момент задача противодействия возможному распространению влияния Великобритании на туркмен. Другой стороной этой задачи было создание постоянной военной угрозы Герату. Даже не угрозы, а, скорее, возможности эффективного отражения допущавшейся агрессии англичан со стороны этой крепости.

Со стороны же эта история виделась несколько иначе: удар российских войск был направлен на Геок-Тепе, откуда открывался прямой путь на Герат, а оттуда, при определенных условиях, и на Индию. И не важно, что планов нового индийского похода на тот момент не существовало. Афганистан так или иначе оставался камнем преткновения и для России, и для Великобритании. Для России — как возможное поле боя с английскими агрессорами, для Британии — как гарант безопасности Ост-Индии и плацдарм для гипотетического давления на Российскую империю. Большая игра продолжалась, хотя и приобрела менее агрессивный характер.

А что же с набегами и общей безопасностью в Туркменской степи? Здесь империя пошла по самому привычному для нее, гарантирующему успех, но весьма затратному пути — по пути интеграции геополитически важных территорий в состав государства. Хотя, справедливости ради, надо заметить, что больших затрат на создание новой административной системы и не планировалось¹. Более того, империя видела залог безопасности в наиболее мягком распространении новых реалий в туркменском обществе. А потому не вводила здесь жесткой первичной (волостной, аульной) администрации, не регламентируя поначалу традиционного судопроизводства, оставляя это на усмотрение областного начальства. Нельзя не признать, что такой подход — организация внутривнутриполитического пространства ради эффективного решения внешнеполитических задач — является, может быть, не оригинальным, но гениальным решением Российской империи.

Список источников

1. Ботяков Ю. М. Аламан: Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX — первая половина XX века). СПб. : МАЭ РАН, 2002. 192 с.
2. Васильев Д. В. Афганистан в центре Большой игры. 1878—1879. Акт первый: «Индийский поход» К. П. Кауфмана // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 2 (42). С. 140—154. URL: http://vestospu.ru/archive/2022/articles/11_42_2022.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.42.11.
3. Васильев Д. В. Афганистан в центре большой игры. 1878—1879. Акт второй: Посольство Н. Г. Столетова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 3 (43). С. 69—85. URL: http://vestospu.ru/archive/2022/articles/6_43_2022.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.43.6.
4. Васильев Д. В. Афганистан в центре Большой игры. 1878—1879. Акт третий: Война эмира Шир-Али // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 4 (44). С. 183—201. URL: http://vestospu.ru/archive/2022/articles/7_44_2022.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.44.7.
5. Васильев Д. В. Отдел как особая административно-территориальная единица на окраинах Российской империи: Кавказ и Центральная Азия // Уральский исторический вестник. 2024. № 1 (82). С. 53—61. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-53-61.

¹ При этом затраты на гражданскую администрацию вновь образованного Ахалтекинского округа были почти в два раза выше, чем в старых округах, что как раз и подтверждает мнение о большей гибкости империи в отношении новых подданных.

6. Кадырбаев А. Ш. Андреевский флаг в центре Азии // Восточный архив. 2011. № 1 (23). С. 17—26.
7. Национальный исторический архив Грузии (НИАГ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 3218.
8. НИАГ. Ф. 7. Оп. 4. Д. 648.
9. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 307. Оп. 1. Ед. хр. 13.
10. Потапов А. Е. Вторая Ахалтекинская экспедиция. Начальный этап. К 140-летию окончания Ахалтекинских походов 1879—1881 гг. // Военно-исторический журнал. 2021. № 2. С. 61—67.
11. Потапов А. Е. Неудачный поход. К 140-летию окончания Ахалтекинских походов 1879—1881 гг. // Военно-исторический журнал. 2021. № 1. С. 67—72.
12. Почекаев Р. Ю. Туркмены Ахал-Теке и Мерва в контексте отношений пограничных администраций Российской империи (1870—1880-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 171—179. DOI: 10.17223/15617793/470/20.
13. Приложения к систематическому сборнику приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за время с 1 января 1869 года по 1 октября 1882 года / сост. В. Д. Коссинский. СПб. : Типо-лит. В. Фрейман и К^о, 1883. 1200 с.
14. Присоединение Туркмении к России: (сб. архивных документов) / под ред. А. Ильясова. Ашхабад : Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1960. 823 с.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 45. Д. 89.
16. РГИА. Ф. 1425. Оп. 3. Д. 24.
17. Русско-индийские отношения в XIX в. : сб. архивных документов и материалов. М. : Восточная литература, 1997. 374 с.
18. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856—1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М. : Т-во науч. изданий КМК, 2012. 453 с.
19. Систематический сборник приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за время с 1 января 1869 года по 1 октября 1882 года / сост. В. Д. Коссинский. СПб. : Типо-лит. В. Фрейман и К^о, 1883. 1335 с.
20. Marvin C. The Russian advance towards India: conversation with Scobeleff, Ignatieff, and other distinguished Russian generals and statesmen, on the Central Asian question. London : Sampson Low, Marston, Searle & Rivington, 1882. 338 p.
21. Morrison A. The Russian Conquest of Central Asia. A Study in Imperial Expansion, 1814—1914. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 613 p.
22. O'Donovan E. The Merv oasis. Vol. 1. Travels and adventures east of the Caspian during the years 1879-80-81. London : Smith, Elder, & Co., 1882. 502 p.
23. O'Donovan E. The Merv oasis. Vol. 2. Travels and adventures east of the Caspian during the years 1879-80-81. London : Smith, Elder & Co., 1882. 500 p.
24. Pierce R. A. Russian Central Asia, 1867—1917. A study in colonial rule. Berkeley : University of California Press, 1960. 359 p.
25. Wood W. A. The Sariq Turkmens of Merv and the Khanate of Khiva in the early nineteenth century. Ph.D. Dissertation. Bloomington : Indiana University, 1998. 282 p.

References

1. Botyakov Yu. M. *Alaman: Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty instituta nabega u turkmen (seredina XIX — pervaya polovina XX veka)* [Alaman. Socio-economic aspects of the institution of raid among the Turkmens (mid-19th — first half of the 20th century)]. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2002. 192 p. (In Russian)
2. Vasil'ev D. V. Afganistan v tsentre Bol'shoi igry. 1878—1879. Akt pervyi: "Indiiskii pokhod" K. P. Kaufmana [Afghanistan at the Center of the Great Game. 1878—1879 Act One: "Indian Campaign" of K. P. Kaufman]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2022, no. 2 (42), pp. 140—154. Available at: http://vestospu.ru/archive/2022/articles/11_42_2022.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.42.11. (In Russian)
3. Vasil'ev D. V. Afganistan v tsentre bol'shoi igry. 1878—1879. Akt vtoroi: Posol'stvo N. G. Stoletova [Afghanistan at the Center of the Great Game. 1878—1879. Act Two: The Embassy of N. G. Stoletov]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2022, no. 3 (43), pp. 69—85. Available at: http://vestospu.ru/archive/2022/articles/6_43_2022.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.43.6. (In Russian)
4. Vasil'ev D. V. Afganistan v tsentre Bol'shoi igry. 1878—1879. Akt tretii: Voina emira Shir-Ali [Afghanistan at the Center of the Great Game. 1878—1879. Act Three: Emir Shir-Ali's War]. *Vestnik Orenburgskogo*

gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal, 2022, no. 4 (44), pp. 183—201. Available at: http://vestospu.ru/archive/2022/articles/7_44_2022.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.44.7. (In Russian)

5. Vasill'ev D. V. Otdel kak osobaya administrativno-territorial'naya edinitsa na okrainakh Rossiiskoi imperii: Kavkaz i Tsentral'naya Aziya [Otdel as a special administrative and territorial unit on the peripheries of the Russian Empire: the case of the Caucasus and Central Asia]. *Ural'skii istoricheskii vestnik — Ural Historical Journal*, 2024, no. 1 (82), pp. 53—61. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-53-61. (In Russian)

6. Kadyrbaev A. Sh. Andreevskii flag v tsentre Azii [St. Andrew's flag in the center of Asia]. *Vostochnyi arkhiv*, 2011, no. 1 (23), pp. 17—26. (In Russian)

7. *Natsional'nyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [National Historical Archives of Georgia] (NIAG). F. 7. Op. 1. D. 3218.

8. NIAG. F. 7. Op. 4. D. 648.

9. *Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Department of Written Sources of the State Historical Museum]. F. 307. Op. 1. Ed. khr. 13. (In Russian)

10. Potapov A. E. Vtoraya Akhaltekinskaya ekspeditsiya. Nachal'nyi etap. K 140-letiyu okonchaniya Akhaltekinskikh pokhodov 1879—1881 gg. [The second Akhalteke expedition. The initial stage. On the 140th anniversary of the end of the Akhalteke campaigns of 1879—1881]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 2021, no. 2, pp. 61—67. (In Russian)

11. Potapov A. E. Neudachnyi pokhod. K 140-letiyu okonchaniya Akhaltekinskikh pokhodov 1879—1881 gg. [The unfortunate campaign. On the 140th anniversary of the end of Akhalteke campaigns of 1879—1881]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 2021, no. 1, pp. 67—72. (In Russian)

12. Pochekaev R. Yu. Turkmeny Akhal-Teke i Merva v kontekste otnoshenii pogranichnykh administratsii Rossiiskoi imperii (1870—1880-e gg.) [Turkmens of Akhal-Teke and Merv Within the Context or Relations Between Frontier Administrations of the Russian Empire (1870s—1880s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2021, no. 470, pp. 171—179. DOI: 10.17223/15617793/470/20. (In Russian)

13. *Prilozheniya k sistematicheskomu sborniku prikazov po voennomu vedomstvu i tsirkulyarov Glavnogo shtaba za vremya s 1 yanvarya 1869 goda po 1 oktyabrya 1882 goda* [Annex to the systematic collection of orders of the military department and circulars of the General Staff for the period from January 1, 1869 to October 1, 1882]. St. Petersburg, Tipo-lit. V. Freiman i Ko Publ., 1883. 1200 p. (In Russian)

14. *Prisoedinenie Turkmenii k Rossii: (sb. arkhivnykh dokumentov)* [Annexation of Turkmenistan to Russia. (Collection of archival documents)]. Ashkhabad, Akademia nauk Turkmenskoii SSR Publ., 1960. 823 p. (In Russian)

15. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 1284. Op. 45. D. 89.

16. RGIA. F. 1425. Op. 3. D. 24.

17. *Russko-indiiskie otnosheniya v XIX v.: sb. arkhivnykh dokumentov i materialov* [Russian-Indian relations in the 19th century. A collection of archival documents and materials]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1997. 374 p. (In Russian)

18. Sergeev E. Yu. *Bol'shaya igra, 1856—1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii* [The Great Game, 1856—1907. Myths and realities of Russian-British relations in Central and East Asia]. Moscow, T-vo nauch. izdaniia KMK Publ., 2012. 453 p. (In Russian)

19. *Sistematicheskii sbornik prikazov po voennomu vedomstvu i tsirkulyarov Glavnogo shtaba za vremya s 1 yanvarya 1869 goda po 1 oktyabrya 1882 goda* [A systematic collection of orders of the military department and circulars of the General Staff for the period from January 1, 1869 to October 1, 1882]. St. Petersburg, Tipo-lit. V. Freiman i Ko Publ., 1883. 1335 p. (In Russian)

20. Marvin C. *The Russian advance towards India: conversation with Scobelev, Ignatieff, and other distinguished Russian generals and statesmen, on the Central Asian question*. London, Sampson Low, Marston, Searle & Rivington, 1882. 338 p.

21. Morrison A. *The Russian Conquest of Central Asia. A Study in Imperial Expansion, 1814—1914*. Cambridge, Cambridge University Press, 2021. 613 p.

22. O'Donovan E. *The Merv oasis. Vol. 1. Travels and adventures east of the Caspian during the years 1879-80-81*. London, Smith, Elder, & Co., 1882. 502 p.

23. O'Donovan E. *The Merv oasis. Vol. 2. Travels and adventures east of the Caspian during the years 1879-80-81*. London, Smith, Elder & Co., 1882. 500 p.

24. Pierce R. A. *Russian Central Asia, 1867—1917. A study in colonial rule*. Berkeley, University of California Press, 1960. 359 p.

25. Wood W. A. *The Sariq Turkmens of Merv and the Khanate of Khiva in the early nineteenth century. Ph.D. Dissertation.* Bloomington, Indiana University, 1998. 282 p.

Информация об авторе

Д. В. Васильев — доктор исторических наук, доцент

Information about the author

D. V. Vasilyev — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 03.07.2024;
принята к публикации 20.08.2024

The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 03.07.2024;
accepted for publication 20.08.2024